

An illustration of a man in a dark grey suit and tie, holding a stack of money and a white envelope. The man's face is not visible, only his torso and hands. The style is a flat, graphic illustration with bold outlines and a limited color palette. In the top right corner, there is a circular icon with the text '18+'.

18+

Lea Stubborn

Дерьмомечтатель, или Тайная система Бима

Lea Stubborn

**Дерьмомечтатель, или
Тайная система Бима**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Lea Stubborn

Дерьмомечтатель, или Тайная система Бима / Lea Stubborn —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

Коррупция, как старая добрая традиция, живет в наших сердцах уже десятилетия, обрастая легендами и домыслами. Традиция, ставшая системой, так интегрировалась в общество, что мы её почти не замечаем, принимая, как данность. Любой из нас может попасть в её цепкие руки, и вопрос в том, захочет ли он выбраться из этого омута или нет? Главного героя, Бима, с детства готовили к миссии - стать элитой. Конфликт поколений, цена дружбы и границы человеческого бесстыдства в новой системе ценностей Бима. Как сохранить человеческий облик в гонке за мирскими удовольствиями? Ответ прост - открой бизнес и посмотри на себя спустя время. Ты – в Системе.

Содержание

Глава 1. Про меня	5
Глава 2. Белка	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Глава 1. Про меня

Моя карьера началась совсем иначе, чем я это себе представлял. Откровенно говоря, началась не сама по себе и не с моей лёгкой талантливой руки, а всю грязную работёнку сделали за меня мои заботливые родители. Я их, конечно, не просил, но и особо не сопротивлялся. События в моей жизни всегда развивались независимо от меня. Я – сын именитых родителей, они – родители непутёвого сына. Всё по общепринятому шаблону и так приторно, что порой мне хотелось взвыть. В детстве я много вредничал и капризничал, а когда не получал желаемое, кусался и сердито бросался на близких. Родители ласково меня прозвали Бим (в честь Маменькиного любимого персонажа из фильма «Белый Бим Чёрное ухо»), ну и, в принципе, кусачего животного. И знаете, мне это прозвище даже нравилось. Правда, когда отец сердился, точнее, сильно сердился, он противным трескучим голосом звал меня из своей комнаты: «Ну-ка иди сюда, щенок паршивый! Давай-ка поговорим, как взрослые люди!» Подобные ассоциации были мне совсем не приятны. Но я ведь Бим, а говорят, собаки не обижаются, они просто становятся одинокими и недоверчивыми. Так я привык прятаться и защищаться от воздействий внешнего мира, уходил в свою «конуру», именуемую моей комнатой, и с грустью смотрел на звёзды.

Когда я подросток, меня начали активно пристраивать в многочисленные секции, я занимался всевозможными видами спорта, к которым у меня отродясь не было призвания. Успехов особых не демонстрировал, но и из секций пинками не гнали. Получал разряды, почётные грамоты, парочку медалей Маменька даже вывесила на стену почёта нашей семьи, правда, они тут же потерялись среди прочих наград и кубков моих деятельных родителей. Меня хотели воспитать настоящим мужчиной, таким же, как Папенька, и других вариантов у меня, естественно, не было. Поэтому я шёл на поводу у родительских амбиций, поддавался воспитанию и мужал. Увлечений по душе у меня не было, самой главной отрадой было остаться одному и помечтать. Читать я не любил, но моё бескрайнее воображение заменяло все книги и фильмы. В детстве меня всегда вдохновляли рассказы отца, который с юных лет покорял Крайний Север, начинал с помощника механика и добрался через несколько лет до кресла самого большого руководителя. Папенька пропадавал на работе сутками, часто ездил по командировкам и практически жил на многочисленных производственных совещаниях. Его мнение ценили на работе, ну а дома оно было беспрекословным авторитетом. Маменька тоже трудилась на благо нефтегазовой отрасли страны, в начальники не лезла, но была на хорошем счету у своих руководителей. При таком семейном наследии мне оставалось только одно – идти, не сворачивая, по стопам своих безупречных родителей. Я и шёл, не спеша, огрызаясь и кусаясь там, где меня обижали, виляя хвостом, где привечали. Так и повелось, что прозвище Бим стало фактически моим вторым именем, а не осталось со мной в далёком детстве, да мало того, прошло со мной дальше по всей моей юности и зарождавшейся зрелости. Меня это ничуть не напрягало, а наоборот, забавляло, особенно когда ко мне так стали обращаться в школе, а позже и в институте. Я мнил себя таким бродягой Бимом.

Как я говорил, будущее моё, а вместе с ним и профессия, были predeterminedены с самого детства. Школу я заканчивал уже в Москве, куда отца перевели на повышение в самую главную газовую «свечку» страны, где он и занял подходящее ему место. Маменька больше не работала и ударилась с головой в благотворительность. Чем там она занималась, сложно сказать, но была постоянно воодушевлена различными проектами, чувствовала себя востребованной и между делом продолжала приглядывать за мной, здоровенным детиной, которому постепенно открывались все прелести жизни большого города. О да, соблазнам я был совсем не чужд и не видел ничего зазорного в пользовании теми благами, что открывались для меня положением родителей.

Начало 2000-х для меня, ошалевшего от свободы и полной финансовой независимости, прошло, как в тумане. Я заканчивал Бауманку, считался элитным мальчиком и мог ни с кем не считаться. Мог закурить на лекции и отделаться устным замечанием. Мог вообще не ходить полсеместра на учёбу, и в итоге в зачётке всё равно красовались достойные меня отметки. Преподаватели уважали меня или делали вид, что уважают, хотя за что, было даже для меня секретом. Подозреваю, что щедрая благотворительная рука Маменьки не обошла вниманием и наше без того не бедное учебное заведение. От спонсорской помощи в то время никто не отказывался, всем хотелось жить, причём жить красиво, как на картинках появившихся в широком доступе глянцевого журналов. Эпоха рождения свежих стереотипов и богов ширпотреба. Наше поколение накрыло волной миллениума: западная окраска бизнеса, новые собственники крупнейших предприятий, иной жизненный стиль и появление свежего поколения золотой молодёжи. Относил ли я себя к ней? Не знаю, пожалуй, но в то время терминология меня абсолютно не беспокоила. Я был озадачен лишь тем, где провести сегодняшний вечер и какую фифу зацепить с собой с перспективой на последующее продолжение вечера. Это составляло смысл моего дня, который начинался с утренней кружки кофе, а то и пива, и заканчивался ритуальным стягиванием джинсов перед сном. Иногда мне снимали, иногда – сам.

Красавцем я мог назвать себя с натяжкой, хотя стал более уверенным в этом вопросе после того количества девиц, что подарили мне своё внимание и ласку. В итоге я себя полностью убедил в собственной неотразимости и гордо нёс свою уверенность в широкие массы. Мой рост давал неплохой шанс на точное попадание в баскетбольную корзину, что, безусловно, давало мне приятное преимущество перед сверстниками. Моё лицо, как подсказывало зеркало, было правдивым отражением упорных родительских стараний при сотворении такого чуда, как я. Основное от мамы – карие глаза и непослушные чёрные волосы с наглым вихром на макушке, от папы – лишь крупный нос, бывший предметом моих тайных страданий в юности. На папе он смотрелся вполне себе благородно и придавал ему этакий аристократичный шарм, а у меня занимал пол-лица, украв пространство у глаз, казавшихся потому маленькими и злыми. Приходилось чаще улыбаться, чтобы придать лицу приятности и очарования. Спорт я перестал заниматься, как только в старших классах закончилась эпопея с многочисленными секциями и родители утомились таскать меня по соревнованиям, где у меня практически не было шанса на победу. Вследствие этой сомнительной дружбы со спортом я вполне заслуженно стал относиться к различным физическим упражнениям с прохладцей, которая сохранилась у меня и по сегодняшний день.

Бесконечные вечеринки, а честнее сказать, попойки, не могли понравиться моему отцу. Папенька, поначалу снисходительно и даже одобрительно наблюдавший за приключениями начинающего плейбоя, постепенно стал закручивать гайки моего не ограниченного до сих пор бюджета. Думаю, он просто завидовал, неоднократно пытался вразумить меня, правда, без применения физической силы, до этого, слава моим собачьим богам, не дошло. Я ловил суть с первого слова и умел адаптироваться в любой ситуации. Откуда я этому научился, шут его знает. Но притворство и лицемерие были моей второй натурой. Я их пестовал как мог, а они отвечали мне взаимностью и позволяли выживать.

Всё это, безусловно, мне пригодилось, когда Папенька сразу после окончания института, фактически сразу после защиты диплома, буквально запихнул меня на работу. Его теория воспитания и продвижения родного дитя по социальной лестнице строилась на следующем: ребёнок всегда должен быть при деле, не имея перерывов на свободное и бесконтрольное творчество, дабы всякая дурь не забивала его беспокойную голову. Поэтому из садика, где я проводил все будние дни, возвращаясь домой только к выходным, меня незамедлительно определили в лучшую школу города, где моя занятость просто зашкаливала. В то время, как все нормальные дети шалили на дворовых площадках, смотрели телевизор и ели мороженое, пока родители были на работе, я героически посещал всевозможные продлёнки, кружки, секции, и так

до выпускного, не оставляя себе ни малейшего шанса хотя бы для разового загула с однокурсниками. Оттремел выпускной, который я провёл, плотно зажатый между родителями, а потому неприлично трезвый, что несправедливо лишило меня правильных школьных воспоминаний. Потом я, так и не успев вдохнуть глоток свободы, направился подавать документы в высшее учебное заведение. Там я наконец смог проявить все эмоциональные порывы моей творческой души, и сейчас я полностью уверен, что родители позволили слабину вполне сознательно, чтобы в дальнейшем скрутить меня своей опекой уже намертво. Как и следовало ожидать, никто после окончания университета не собирался давать мне возможность самоопределиться и выбрать деятельность по душе. Родного сына пустили, как охотничьего пса, по следам доблестных родителей.

Конечно, нефтегазовая сфера.

Конечно, экономист.

Конечно, не без Папенькиных связей.

Ну и конечно, меня, блин, никто меня не спросил, хочу ли я туда.

Но я пошёл, вспомнил свои главные качества и понял, что не пропаду. Просто не имею права пропасть. Меня определили в главный газовый Клоповник страны. Место, откуда снабжались все дочки, внучки и прочие «родственники» «Синего факела». Эта такая организация, которая типа была предназначена для снабжения газовой отрасли всяческим оборудованием, материалами и прочими необходимыми штуками. Офис представлял собой многоэтажное здание, где обитала куча снующих туда-сюда людей, основной состав которых формировался из кучи старых пердунов, сосланных сюда за разные заслуги со всех регионов страны. Должности здесь передавались практически по наследству, и был даже свой прејскурант на особо хлебные места. Для большинства переезд сюда знаменовал собой верхушку карьерной лестницы, да и все-таки это Москва, не убогий Мухосранск. У многих к моменту перевода давно были готовы московские квартиры, не только для себя, но и для детей и даже внуков. Это были обеспеченные, самодостаточные патриоты промышленности страны. Они, как и присуще всем патриотам, болели за дело, но чаще всё-таки болели с похмелья. Работа такая, что поделаешь, утром совещание, днём – селектор, вечером – неофициальное или официальное мероприятие. Один хрен – все равно пить. А по их мордам так и не скажешь сразу, холёные, чисто выбритые. Лишь лёгкие тени под глазами при пристальном рассмотрении могли выдать следы вчерашних совещаний.

Вашего покорного слугу приняли в один из важнейших департаментов, который отвечал за снабжение многочисленных строек страны. Строек было настолько много, что департаменты плодились как мухи, не успевали завершить одно строительство, как параллельно начиналось другое. Масштабность проектов требовала людей, но кадровая проблема запросто решалась за счёт нескончаемой череды дочек, внучек и племянников почётных переселенцев. Родственные связи здесь особенно ценились, это я понял без дополнительных инструкций. Меня назначили для начала рядовым специалистом, объяснили в двух словах мой функционал, рассказали структуру моего подразделения и даже выделили рабочий стол. Основное я уловил сразу – новеньким на начальном этапе лучше сидеть и не высовываться, делать, что тебе говорят, и меньше сплетничать с остальными.

Не скажу, что меня очень вдохновил мой карьерный старт, на удивление, почти сразу появилось ощущение некой независимости и причастности к важному процессу. В дополнение к изменению моего ежедневного графика в срочном порядке потребовалось купить строгий костюм, галстук и состричь мои неблагоприятные вихры. С вечеринками пришлось на время попрощаться, я рассудил, что негоже будущему топ-менеджеру являться на работу со свежим перегаром и явными следами бурной ночи на помятом лице.

Так начался мой гнусный путь в «Синем факеле».

Глава 2. Белка

Жизнь наполнена случайностями, большая часть которых со временем превращается в закономерности. Этот переход в стабильное состояние зависит от восприимчивости человека, его готовности к переменам и желания принимать новые обстоятельства в свою жизнь. Ищущий человек непроизвольно оставляет в своей душе местечко, маленькую потайную дверку для перемен, дающих толчок реализации любым тайным или явным желаниям. Иногда достаточно просто прислушиваться к себе и смотреть широко открытыми глазами на всё, что творится вокруг. А потом не упустить подаренную возможность.

Именно на таком крутом повороте судьбы столкнулись Мари и Лев Валентинович Зайцев. Они давно знали друг друга, за долгий период знакомства и сотрудничали, и конкурировали, и даже поработали вместе в одной из компаний.

Мари ворвалась в противоречивый и манящий мир бизнеса практически сразу после института. Её неиссякаемый напор и безудержная энергия порой пугали коллег и удивляли руководство. Вот она стремительно несётся по коридору, разговаривая по телефону, секунда – и она уже в кабинете начальника, строгая и сосредоточенная, внимательно слушает наставления. Рабочий день у неё начинался буквально с восхода, а когда заканчивался, никто и не знал. Никто её не видел празднично тусующейся в кафе или болтающуюся по улицам в компании юных сверстниц. Любовь к социальным сетям вместе с присущими им элементами эксгибиционизма и детализации частной жизни пользователя была ей чужда. Мари была неутомима и вездесуща, постоянно в движении, как шаловливый зверёк, и все эти качества, вкупе с игриво-рыжим цветом волос, не оставили выбора для друзей. Ещё с института к ней пристало новое имя, вполне созвучное её внутреннему «я» и приводящее в умиление её близких, – Белка. Коллеги, знакомясь с ней, невольно также сравнивали Мари с лесным зверьком, поэтому с удовольствием подхватили сложившуюся традицию, и большая часть из них даже не знали её настоящее имя. Надо сказать, что её саму мало кто хорошо знал. Мари всегда была себе на уме, и за внешним фасадом деловой и целеустремлённой девушки таились поистине шекспировские страсти. Она родилась в Москве и, казалось бы, учитывая все возможности и привилегии, приобретённые автоматически со статусом «москвичка», могла особо не напрягаться, окончить любой институт и благополучно выйти замуж, не карабкаясь по карьерной лестнице и не цепляясь за любую возможность, в отличие от приехавших в столицу региональных девиц. Но лёгкий путь не входил в её планы. Она росла без отца и всю свою сознательную жизнь словно доказывала ему, да и всем остальным мужчинам, кто встречался на пути, что возможности самодостаточной женщины не ограничены. Их даже можно приравнять к способностям чудо-женщины, например, что довольно уверенно указывало на ничтожную роль мужчин в социальной пирамиде и их безусловную вину в демографическом кризисе. Мари, по большому счёту, демографические дискуссии никогда не волновали, поскольку ещё со школы, после странного глупо-слюнявого романа с мальчиком из параллельного класса, она приняла твёрдое решение не обременять себя в будущем многочисленным потомством. А что самое главное, не считала необходимым заводить и мужа, который-то и должен был по идее обеспечить это самое потомство и создать видимость крепкой семейной ячейки. Мари ни в коем случае не относилась к феминисткам, говоря откровенно, ей было глубоко наплевать на социальное равенство женщин и мужчин и прочие острые вопросы этого течения. Она совершенно ясно осознавала, что хочет она и как она может получить желаемое в сжатые сроки.

Неудивительно, что всех мужчин, окружающих Мари и дома, и на работе, она воспринимала лишь как рабочий инструмент, иногда нужный и незаменимый, а зачастую просто пылящийся на дальней полке в гараже. Изредка инструмент мог сыграть в жизни роль перспективного путеводителя, чьё чутьё и прочие навыки могли привести к положительному результату.

Именно сочетание столь желанных и редких качеств в отдельно взятом мужчине и подтолкнуло Белку к Льву Валентиновичу, его магическое обаяние никого не оставляло равнодушным. И даже Мари, трезво оценивающая любую персону, попадающуюся на тернистом жизненном пути, не смогла устоять. Зайцев же, в свою очередь, давно подумывал о том, чтобы расширить горизонты своей профессиональной деятельности. И так случилось, что в момент его очередных размышлений на тему грядущих перспектив они случайно столкнулись в небольшом кафе на Тверской. Его завела туда необходимость встретиться в тихом и уютном месте с клиентом. Для Мари это место служило источником вдохновения и релаксации во время недолгих обеденных перерывов в будние дни.

Перебросившись парой дежурных фраз, они интуитивно ощутили неизбежную потребность друг в друге и своевременность такой, казалось бы, случайной встречи. Лев Валентинович поведал Белке мысли, что терзали его сознание весь последний год. Беспокойные мысли не давали покоя до тех пор, пока не сформировались в очень понятную и простую идею. Зайцев вдруг понял, что ему жизненно необходимо создать собственный бизнес, чтобы вложить в него накопленные за годы опыт и деньги. Он мечтал вырастить его, словно собственное дитя, держа в крепких родительских руках и надеясь в будущем собрать достойные плоды такого воспитания. Мысли его упали на благодатную почву и, подобно живучим зёрнам, мгновенно пустили зелёные ростки в беспокойной голове Мари, отзываясь эхом на её собственные чаяния и размышления. Они сговорились о следующей встрече, и обоим было ясно, что это начало нового и столь желанного для них пути.

Весна обещала быть ранней, цветущей и сулила много приятных перемен. А ещё столько же работы и много денег. Они пили бочками кофе, курили и творили бизнес. Пока только в головах, но в скором времени всё это обещало оказаться не только на бумагах, но и в едином государственном реестре. Мысли летели вихрем, не успевая отлежаться и принять удобоваримые формы, как тут же выходили с колечками сигаретного дыма в никуда. Но кое-какие идеи всё же удостоились чести быть внесёнными в большие черные тетради, чтобы в дальнейшем трансформироваться в серьёзный бизнес-проект, завёрнутый в нарядную обёртку.

Мари и её шеф Лев Валентинович вычеркнули из своей памяти скучное прошлое и отдались целиком и полностью светлому будущему.

Идей пока было гораздо больше, чем денег. Шеф рисовал картины, вызывающие такое воодушевление и веру, что Белка верила и ни секунды не сомневалась. Картины были завораживающие и напоминали кадры из любимых сериалов про богатых и успешных деятелей с Уолл-стрит.

Зайцев умел быть красноречивым и убедительным, его глаза излучали невиданную энергетику и веру. Он был готов вступить в бой на любых условиях, хоть с голыми руками, беря противников силой убеждения и уверенностью взгляда. Белка же, окунувшись в омут его бешеной энергии, готова была следовать за ним хоть на край света, лишь бы достигнуть светлого будущего. Там, по словам Шефа, её ждали долгожданный почёт и уважение. Признание заслуг в мире бизнеса, что неизбежно влекло за собой и признание в мире мужчин. А ко всему перечисленному приятным бонусом прилагался отдельный кабинет с видом на одну из московских набережных, и что уж тут мелочиться, личный шофёр, ловко управляющий серебристым мерседесом.

Для искренне верующего человека преграды теряют всяческий смысл, его не пугает время, и он не ведает усталости. Белка с воодушевлением принялась за создание империи, где она видела себя императрицей и никак иначе. Их тандем был крепок и нерушим, Лев Валентинович проектировал здание, а она строила. Осталось дело за малым – за материалами. Амбициям Зайцева были подвластны любые сферы, начиная от общепита, заканчивая высокими технологиями в нефтегазовой сфере. Чубайс с его фантастическими нанотехнологиями просто нервно курил в сторонке. Годы скрупулёзной подготовки к великим сверше-

ниям довели его амбиции до нужного уровня, чему непременно способствовали наработанные деловые связи и большой объем компрометирующей информации. Лев Валентинович взрастил свою блистательную карьеру, начав с ведущего специалиста в небольшой логистической компании, и успешно продолжил управленцем высшего звена. Складывал родимую буквально по кирпичикам, тщательно взвешивая любое своё слово и опережая на шаг всех своих недругов. Он научился проявлять лояльность там, где она была уместна, и мудро соглашался с теми, с кем спорить было нежелательно. Умел вовремя смолчать, когда эмоции клокотали и рвались наружу, требуя выхода в яростной дискуссии. Его непоколебимая уверенность таранила всевозможные препятствия и заражала окружающих своей энергией. А в нынешней ситуации служила крепкой платформой для их общих начинаний.

Любому кораблю нужна надёжная пристань, так и бизнес бросает свой якорь в подходящий офис. Сомнений в необходимости такового не было, и в скором будущем двери уютных кабинетов открылись для смельчаков. Лев Валентинович не одобрял рутинной привязки к офисному стулу, его стихией были встречи, дискуссии, презентации. Площадкой для переговоров могло стать любое кафе или ресторан, где средний чек превышал пару тысяч и официанты были любезнее, чем в других местах. Он стал завсегдатаем тех мест, где любили бывать всякие важные дядьки из большой «свечки», высокого офисного здания на юге Москвы, и в глазах большинства посетителей отражался голубой огонёк газового достояния страны. Здесь он ощущал себя как рыба в воде, грелся у этого огонька и чувствовал свою бесспорную значимость и влияние на основные экономические показатели Родины. Дядек было много, внимания к своим персонам они требовали соразмерно статусу, вынудив Зайцева отказаться от времяпровождения в офисе. Там он почти не появлялся, но продолжал дистанционно оказывать магическое влияние на процесс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.